

БЕСЕДА ПЯТНАДЦАТАЯ

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ

Тема моей сегодняшней Беседы звучит так: шестидесятники вчера, сегодня, завтра. Уже в этом названии я как бы фиксирую историю этого движения и то, что оно не умершее движение. То, что оно не умершее движение, то, что это не просто история, свидетельствуют и статьи, появляющиеся в газетах, и книги, фундаментальные книги. Это, прежде всего, совершенно потрясающая книга Юрия Буртина «Исповедь шестидесятника», книга Игоря Виноградова «Духовные искания русской литературы», «Дневники» Игоря Дедкова. О шестидесятниках, об их судьбах и духовной эволюции – и в моей книге «Идеалы и идолы» (М., 2006).

Когда я делю историю шестидесятничества на «вчера», «сегодня» и «завтра», то хронологически это выглядит так. «Вчера» — это примерно с середины 50-х годов до 85-го года. «Сегодня» — это последнее двадцатилетие 20-го века и первое 22-го. Ну, а «завтра» — ближайшие годы.

Шестидесятничество вчера

Я, прежде всего, хочу, чтобы мы расстались с одной легендой, которая гласит, что шестидесятники — это «дети XX съезда». Это - легенда. Это не так. Скорее, XX съезд — сам следствие некоего антисталинистского, демократического настроения, которое существовало в обществе в начале 50-х годов и в головах миллионов граждан, родственники которых были репрессированы. XX съезд был как бы ответом на это давление. Да, XX съезд помог легализовать деятельность шестидесятников, способствовал (объективно) ее расширению, но, повторю еще раз, не он породил шестидесятничество.

Более того, инициаторы XX съезда и шестидесятники, хотя поначалу и симпатизировали друг другу, постепенно вступали в ситуацию конфликта, а по ряду важнейших вопросов – и противостояния. Началось это еще в эпоху «раннего» Хрущева и обрело высокую степень остроты к концу хрущевского правления.

Сказывалось различие устремлений, нравственных и социально-политических позиций. Хрущевская политика была всё же административно-бюрократической попыткой демократизации, демократизацией под контролем бюрократии, что, естественно, сужало русло демократических преобразований. Шестидесятники и политики XX съезда постепенно расходились в разные стороны.

Но давайте проследим за эволюцией социально-политических взглядов шестидесятников.

Центральная идея социально-политической концепции зрелого шестидесятничества, идея, постепенно складывавшаяся и вполне сложившаяся примерно к середине 70-х годов, состояла в том, что социально-политический строй, сложившийся в нашей стране и к 70-м годам вполне определившийся, - это не строй социалистического типа. Это – особая, специфическая формация, не предусмотренная ни одной из прежних теорий (в том числе теорией научного социализма). Формация, которая не была какой-то «черной дырой» в истории, она решала определенные исторические задачи (например, задачи модернизации), но решала их в рамках антагонистического общественного устройства нового типа, с помощью специфических социально-экономических и политических механизмов не-социалистического типа, при наличии скрытого и открытого социального противостояния и специфической классовой борьбы. Из этой общей идеи вытекали идеи специфической борьбы с этим режимом. Но прежде, чем сказать об этом подробнее, несколько слов о том, **как шестидесятники шли к этой идее.**

Первый этап: середина 50-х – конец 60-х годов. Оценка шестидесятниками существовавшего тогда общества: это – в общем-то, социалистическое общество, но с существенными и глубокими деформациями бюрократического свойства, представляющими высокую степень опасности (часто повторялся тезис Ленина: если мы от чего и погибнем, то от бюрократизма). При этом обращалось внимание на то, что собственность на деле не является «общественной» (ею не «народ» распоряжается, а бюрократия), отсутствует социальное равенство, не сложилась

политическая система народоправства, в обществе господствует двойная мораль (по одной живут «верхи», другая предлагается «низам» – в виде всевозможных «моральных кодексов»).

Отсюда вытекали формулировки задач, которые объективно стояли перед обществом и, по мнению шестидесятников той поры, отвечали интересам общественного развития. Главное: устранить деформации, сделать реальностью проект научного социализма, разработанный Марксом и Лениным. Сделать правдой то, что провозглашалось в Программах, Конституциях, Моральных кодексах, - провозглашалось, но не воплощалось в жизнь.

Путь решения этих задач. Да, было ощущение непростоты их осуществления. Было понимание, что схватка с властвующей бюрократией будет жесткой. Свои позиция она просто так не отдаст. И 37-й год ясно показал, что она готова на всё, на самые жестокие и кровавые формы защиты режима своего правления. И всё же шестидесятники полагали, что шансы на успех их программ есть, и шансы немалые, - благодаря социалистическому настрою массового сознания граждан, благодаря еще не утратившим своей жизненности импульсам Октября, благодаря официально прокламируемой в обществе – марксистской, социалистической – идеологии, благодаря наличию партии, официально исповедующей социалистические ценности. Отсюда рождались и формы борьбы с деформациями: просвещение граждан, организация различных кружков и объединений. Но главное направление борьбы – через партию, там взять верх над партийной бюрократией.

Как оценить эти установки? Что это, в свете дальнейших событий, утопия, наивность, ошибочность? Думаю, ни то, ни другое и ни третье. Я и сегодня думаю, что это была верная и вполне реалистическая позиция. Ведь, оказался возможным для этой партии XX съезд, решения которого можно было попытаться расширить и углубить. А почему нет? Ведь, через партийные съезды пришли к власти демократические коммунисты в 1968 году в Праге. Значит, подобный шанс не был абсолютно исключен.

Но социальная подвижка не удалась. Пришел октябрьский пленум 1964 года, снявший Хрущева и начавший дезавуировать

решения (и без того половинчатые) XX съезда, набирал силу брежневский процесс сталинизации общественной жизни. Была задушена «Пражская весна». Количество деформаций переросло в качество нового – отнюдь не социалистического – строя.

Перед шестидесятниками встали две очень важные теоретические задачи:

1. Дать развернутую оценку XX съезду, выяснить ту роль, которую сыграл он в истории нашего общества, определить свое к нему отношение;
2. Дать оценку этой новой (не-социалистической) формации, ее роли в социальном развитии страны.
3. Определить, что делать в этих условиях сторонникам демократического социализма?

Вначале – о XX съезде

XX съезд в зеркале шестидесятничества Я хочу начать вот с чего: вызвать в вашем воображении художественный образ XX съезда и Никиты Сергеевича Хрущева, созданный известным шестидесятником Эрнстом Неизвестным. Это - сочетание черных и белых тонов. Я не подсчитывал их пропорцию у Неизвестного, что преобладает в памятнике Хрущеву. Но думаю, это и неважно. Важна сама идея – сочетание черного и белого. И еще очень важно, что это сочетание заканчивается памятником, а не могилой, сровненной с землей.

Я хотел бы дать некий политико-философский эквивалент этому образу. Мой образ – это качающиеся чаши весов: черная и белая. И я кладу на черную и белую чаши определенные материалы и смотрю, куда и почему, клонятся на этих весах чаши.

Что же на черной чаше? На ней - очень серьезные вещи. Прежде всего это не сломленная и даже не надломленная, а сохраненная бюрократическая система – социальная и политическая (правда, освобожденная от крайностей сталинистской формы). Вот что на этой черной чаше.

Не случайно Никита Сергеевич однажды сказал как раз в период кануна XX съезда: «Сталин предан делу социализма, но всё - варварскими методами». Вот и решалась задача: отказаться от варварских методов, преодолеть те кризисные явления, к которым привело эту систему сталинское руководство.

Ведь, к 1953 году сталинский вариант этой системы трещал по всем швам – и в экономической, и политической, и культурной сферах.

Так, в экономике перестала эффективно работать система директивного планирования. Ибо шедшие в центр с мест сообщения об успешном выполнении и перевыполнении планов оказывались на деле ложью («очковтирательством», как это стали называть впоследствии). И понятно – почему: ведь, успешные рапорты для чиновников всех уровней были условием их движения вверх по бюрократической вертикали. И приходилось планировать, исходя из совершенно нереальной ситуации, ставя всё более высокие и всё более невыполнимые задачи. В итоге разрыв между реальным положением дел и их отражением в статистике с каждым годом нарастал в геометрической прогрессии. И к 1953 году достиг катастрофических размеров, что было вскоре после смерти Сталина зафиксировано сентябрьским Пленумом ЦК 1953 года: реальные данные по сельскому хозяйству были в разы меньше приводимых в официальных документах. Так же обстояло дело и с «уровнем жизни». Официально представляемый мир – это мир «Кубанских казаков», мир изобилия и довольства, в котором, согласно знаменитой сталинской формуле, «жить стало лучше, жить стало веселее». А реальность – в сказанных накануне XX съезда словах Хрущева: «Я при царизме, будучи шахтером, пил молока, сколько хотел. А сейчас достать кружку молока – проблема».

Политическое руководство сталинской эпохи жило в иллюзорном, ложном мире и решения поэтому принимало, совершенно не соответствующие реальным возможностям. Хрущев рассказывал, как они с Микояном, исходя из реального положения дел, предлагали Сталину (в последние годы его жизни) ограничить налог на крестьянство 6-7 миллиардами рублей – большой налог

губителен для крестьянских хозяйств. А Сталин, размахивая ложными рапортами, определял: «40 миллиардов! А вы – псевдогуманисты, сродни народникам и эсерам», в общем – враги. «Когда мы от Сталина вышли, - вспоминал Хрущев, - я сказал Микояну: «Нас спасет только, если крестьянство не восстанет». Если бы Сталин не умер, не знаю, чем бы всё это кончилось».

От экономического краха страну спасла смерть Сталина. И Хрущев на сентябрьском Пленуме видит выход в том, чтобы сказать правду о положении дел в экономике, привести в соответствие статистику и реальность. И начать **реальное** планирование.

Разрастался и кризис в кадровой политике. Я помню, как в начале 60-х годов у нас в «Известиях» (где я тогда – при Аджубее – работал) один очень высокопоставленный чиновник делился с нами, журналистами: «В начале 50-х годов стало невозможно находить кандидатов на руководящие должности: у подавляющего большинства возможных кандидатов оказывались «подмоченными» анкетные данные – у них родственники находились то ли в лагерях, то ли в ссылках, то ли в оккупации побывали. С такими анкетами тогда на высокие посты назначать было не принято. И возникла необходимость списать этот анкетный компромат, перестать обращать на него внимание». После смерти Сталина эти анкетные проблемы были устранены – появилась возможность подбирать кадры не на основе анкет, разработанных в ведомстве Берии, а в соответствии с компетенцией и профессионализмом кандидатов.

Систему, сложившуюся при Сталине, губила ее негибкость, жесткая бюрократическая иерархия, сламливающая всякую инициативу, идущую снизу. Всё – только сверху вниз. При Хрущеве и решалась задача – избавить систему от разрушающих ее крайностей, от варварских форм и найти новые формы деятельности, которые способны придать этой системе большую подвижность и гибкость, большой динамизм, и тем - продлить ее жизнь. Отсюда – рождение новых, более гибких форм: система совнархозов (передвигающая акцент хозяйственной деятельности

от центральных министерств в регионы – ближе к жизни, ближе к реальности), разделение партийных органов на сельскохозяйственные и промышленные – с той же целью, расширение сферы и форм «общественного контроля», повышение роли общественных депутатских комиссий, создание народных дружин. Была заметна бОльшая открытость политических лидеров. Иные сетовали: вот-де Хрущев «много болтает», чуть ли не каждый день выходят целые простыни газет с его бесконечными речами. Да, и слава богу! После сурового немногословия Сталина и Молотова, после закулисья Берии открытость лидеров, пусть с некоторым перебором, но демократизировала общественную жизнь, придавала ей, что называется, человеческий облик.

Но все эти нововведения шли в русле и рамках прежней системы. Они лишь смягчали ее кризисные черты, придавали ей большую гибкость и жизнестойкость. Скажу больше и резче: Хрущев не ломал ту систему, он спасал ее. А в основе своей система оставалась прежней: по-прежнему партийно-государственная номенклатура заведовала всеми участками общественной жизни, по-прежнему это была её диктатура, по-прежнему отсутствовал действенный, реальный контроль народа за её деятельностью. И по-прежнему чиновничий аппарат полностью отвечал тому образу, который еще в прошлом нарисовал Михайловский: «Русская бюрократическая лестница, если смотреть на нее снизу вверх – восходящая лестница бар, если смотреть на нее сверху вниз – нисходящая лестница лакеев». Вот эти барелакеи и продолжали занимать ступени на бюрократической лестнице.

И система эта уже во второй половине 50-х годов стала сводить на нет те некоторые элементы демократии, что были инициированы Хрущевым и XX съездом. Она отторгала их, активно и быстро возвращалась к прежней своей сути.

Восстанавливался прежний механизм движения вверх по чиновной лестнице: успешные рапорты. Начинался этап новой лжи и очковтирательства. Рязанский партийный вождь Ларионов рапортует о выполнении за год трех (!) планов по животноводству,

тульский секретарь обкома Хворостухин – о выполнении двух планов. И пошло, поехало... И снова – растущие ножницы придуманного мира и реального, снова план теряет свой конструктивный характер, снова запутываются связи на всем пространстве экономической жизни. И снова кризис экономики и потребления. Снова – огромные очереди за хлебом, снова – быстро пустеющие полки магазинов.

И снова воспроизводятся методы командно-бюрократического отношения политических руководителей ко всем сферам общественной жизни.

К ученым – опять отношение как к «челяди», обслуживающей политиков. Руководящие политики влезают в пространство научных дискуссий, в которых мало что смыслят, и ретиво поддерживают тех, кто особенно лоялен к партийным бонзам. Снова, как и при Сталине, на коне авантюрист Лысенко, в общественной науке царят сталинские соколы – Федосеев и Константинов.

В отношении к искусству возрождаются ждановские методы – шельмование и преследование неудобных партийным верхам писателей, художников, композиторов. Дудинцева – в порошок, за его «Не хлебом единым», Вознесенскому публично предлагается взять иностранный паспорт и катиться из страны на все четыре стороны, бульдозером – по выставкам неудобных художников, Пастернака за «Доктора Живаго» травят похлеще, чем Ахматову и Зощенко в 40-е годы.

И, конечно же, быстро формируется новый культ – уже самого «нашего дорогого Никиты Сергеевича». И – репрессии – по отношению к инакомыслящим. Апофеоз – расстрел рабочей демонстрации в Новочеркасске.

В общем, - серьезный груз на этой, черной, чаше. И давит, и тянет она с большой силой вниз.

А что же на другой, на белой?

Первое и главное: Хрущев и XX съезд распахнули двери лагерей и тюрем, вернули родителей к детям и детей к родителям,

восстановили честь и достоинство оболганных и униженных людей.

Даже если было бы только это, - на моих весах белая чаша перевесила бы всё, что лежит на черной. XX съезд был единственным из всех съездов (после Ленина), где зримо присутствовала гуманистическая тенденция. Это была не обычная для съездов КПСС лицемерная болтовня о том, что у нас – «всё для человека, всё для его блага». XX съезд не просто провозгласил, он **сделал** «для человека», «для блага людей» нечто очень осязаемое и реальное. И потому его можно назвать **съездом реального гуманизма**.

Эти тысячи и тысячи (а с членами семей – миллионы) возвращенных к нормальной жизни людей не могут не быть благодарны Никите Хрущеву. Да, Хрущев в сталинские времена и сам принимал – и весьма активное – участие в жестоких репрессиях. Он сильно грешен. Но это – проблема его судьбы и его совести. Для тех же, кто вышел на свободу из-за колючей проволоки, не так важна прошлая жизнь освободившего их человека.

Но я бы еще отметил, что доклад Хрущева можно назвать формой его личного покаяния, покаяния не словом, а ДЕЛОМ.

И отдадим должное его мужеству. Он – единственный из высшего руководства партии, кто решился на такого рода доклад, на такой шаг, и, между прочим, - против воли абсолютного большинства Президиума ЦК. Это был поистине **революционный шаг**.

И последующие критики Хрущева в брежневскую (да и нынешнюю) эпоху хают его отнюдь не за то, что он был недостаточно демократичен, что пытался авторитарно-административными мерами осуществлять демократизацию, что на его совести участие в репрессиях, а как раз за лучшее в нем – за критику сталинизма, за милосердие к раздавленным сталинизмом людям.

Но не только это на белой чаше весов. Хрущев имел мужество назвать одного из величайших политических злодеев в истории злодеем и разрушить широко распространенную легенду о величии и безгрешности «вождя народов». Он так долбанул об пол псевдохрустальную вазу с именем «Сталин», что сколько потом ни пытались собрать, склеить ее разлетевшиеся осколки, - уже ничего не получалось. Это – навсегда!

Доклад Хрущева способствовал пониманию того, что есть разные «социализмы»: сталинский, казарменный, тоталитарный социализм и социализм с тенденциями гуманизма и демократии, социализм нэповского типа. Был – объективно – поставлен вопрос о сути социализма, о его возможных формах и их противостоянии. Идея «демократического социализма» («рыночного социализма», «социализма с человеческим лицом») станет затем центральной идеей того интеллектуального движения, которое получило название «шестидесятничества» – в России и «пражской весны» – в Чехословакии.

XX съезд распахнул ворота не только лагерей и тюрем, но и ворота «лагерей» духовных, он способствовал снятию «шапок манкуртов», сжимавших и губивших человеческие головы и мозги. Да, пространство свободного думания и при Хрущеве оказалось не слишком велико. Но дух свободомыслия вырвался наружу, и загнать людей вновь в духовный концлагерь стало уже невозможно.

В общем, на **моих** весах белая чаша явно перетягивает чашу черную.

Но я отдаю себе отчет, что XX съезд и доклад на нем были высшей точкой деятельности Хрущева. Дальше пошло по нисходящей. Сохранившаяся бюрократическая система отторгала и перемалывала тенденции народности и демократизма, существовавшие в деятельности Хрущева. И хотя был еще резко антисталинистский XXII съезд, был одобренный Хрущевым «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, был «Теркин на том свете» Твардовского и т.п., но в целом система работала на сохранение административно-бюрократического типа деятельности.

Суммируя сказанное, подчеркнем: в целом, XX съезд и Хрущев (далеко не худший представитель номенклатуры и бюрократии, политик, которому был присущ, я бы сказал, стихийный мужицкий демократизм и человеческая искренность, но который, при всем при том, был плоть от плоти этой номенклатуры) – это явления весьма далекие от подлинного гуманизма и демократии, от того, что шестидесятники именовали «социализмом с человеческим лицом». Объективно, назначение XX съезда и Хрущева было - сохранение системы, при некотором смягчении её диктаторских черт.

И она, эта система, победила. И пришел Октябрьский Пленум 1964 года, сбросивший Хрущева. А потом подошел и август 1968 года, когда был раздавлен советскими танками гуманистический и демократический социализм чехословацких коммунистов. И новая генерация политиков с Брежневым во главе выбросила почти всё, что было на «белой чаше», и «черная чаша» начала стремительно опускаться вниз.

И всё же стимулированное XX съездом движение шестидесятников продолжало жить, исподволь готовя новый демократический и гуманистический сдвиг, получивший название «перестройка» (сдвиг, который, впрочем, имел не менее печальный конец, чем хрущевские реформы).

Шестидесятничество сегодня и завтра

Я попробую раскрыть эту тему, представляя вам и анализируя взгляды одного из самых ярких, самых последовательных демократов-шестидесятников – Юрия Буртина.

«Время Буртина, увы, ушло» - так прокомментировал один известный либеральный публицист посмертно вышедшую книгу Ю.Буртина «Исповедь шестидесятника» (М., «Прогресс-Традиция», 2003).

Не согласен: время Юрия Буртина, время, я бы сказал, «классического шестидесятничества» не «ушло». Оно только загнано в подполье, но, уверен, - не навсегда..

«Время Буртина» – это время осознания действительного смысла событий, заполнивших жизнь страны в только что ушедшем столетии, время глубокого осмысления этапов исторического развития – ленинского, сталинско-брежневского, горбачевского, ельцинского, время понимания того, что *ни один* из этих этапов не дал основной массе людей ни материального благополучия, ни равенства, ни свободы, ни социальной справедливости, время осознания тех интеллектуальных, нравственных, политических предпосылок, которые вызревали и к концу XX века в значительной степени вызрели в народных низах и тесной спаянной с ними интеллигенции, время, когда сложились все условия для нового подъема народно-демократического движения, способного приблизить создание в России давно желанного, подлинно Гуманистического общественного строя, который на деле осуществит знаменитый принцип: «правление народа, для народа, посредством народа».

Юрий Буртин сделал всё мыслимое, всё возможное – для одного человека в предложенных историей обстоятельствах – чтобы это народно-демократическое движение началось не «на авось», не с туманными представлениями о том, что и как надо делать, не под печально-известным лозунгом «ввяжемся, а потом разберемся». Он, прежде, чем появится необходимость «ввязываться», попытался основательно разобраться в происшедшем и происходящем и наметил контуры некой Программы социальных и политических преобразований («Что делать?»), охарактеризовал те общественные силы, которые заинтересованы в её реализации («Кому делать?»).

Чтобы дать аргументированный ответ на эти два вопроса, оказалось необходимым во многом по-новому взглянуть на ход мировой истории (в особенности в Новое и Новейшее время) – Юрий Буртин разработал и придал научно-категориальное звучание таким понятиям, как «доконвергентная» и «конвергентная» эпохи мировой истории, «доконвергентные» и «конвергентные» общества. Он дал новую типологию капитализма и социализма (выделив «доконвергентные» и «конвергентные»

этапы в их развитии), во многом по-новому описал логику их противоборства, взаимодействия и сопряжения. Юрию Буртину принадлежит ставшая уже почти общепринятой характеристика *экономической* системы, сложившейся на сегодня в России, как «номенклатурный капитализм». А дополнение её характеристикой *политической* системы как «номенклатурной демократии» (категорией, разработанной другими, но горячо поддержанной Ю.Буртиным и включенной им в своему концептуальную схему) позволило дать полную и законченную теоретическую характеристику всего постреформенного общественного строя в России: номенклатурный капитализм (в экономике) плюс номенклатурная демократия (в политике).

Да, все, кто знал Юрия Григорьевича Буртина (и я в их числе), свидетельствуют о нём, как о человеке абсолютной порядочности и нравственности. Всё так. Одно только добавление. Громадная удача для нашего общества – что эта «абсолютная нравственность» (столь характерная для многих «людей из народа» – от солженицинской Матрёны до «проклятых и убитых» астафьевских солдат) в жизни Юрия Буртина переплавилась в большую социальную теорию, высокое интеллектуальное творчество. Буртин дал исторический голос этой, нередко молчаливой, не выражающей себя словом, народной нравственности, он придал ей социально-действенную, программно-политическую силу, он обрисовал ту дорогу, двигаясь по которой эта народная нравственность может реализоваться в создание соответствующего ей нового, Гуманистического общественного строя.

Я знаю немало так называемых демократических теоретиков, в то числе из первой перестроечной волны, которые говорят и пишут очень неглупые, очень толковые вещи о нашей нынешней ситуации. Но их образ жизни, их судьбы – и до-, и, в особенности, после-перестроечные – разительно отличаются от их писаний. Их Тела и их Души живут как бы в разных измерениях, по разным принципам. И потому, читая их, в целом, повторяю, толковые и неглупые размышления, то и дело восклицаешь (по Станиславскому!): «Не верю!».

Юрий Буртин – один из очень и очень немногих политических писателей, чьи теоретические идеи полностью, абсолютно обеспечены его жизнью и его судьбой.

И последнее предваряющее замечание. Следует иметь в виду, что позиция Буртина и его единомышленников коренным образом отличается от позиций всех основных, так сказать, официальных партийно-политических сил – будь то КПРФ, СПС, или какая-либо другая из номенклатурно-политических организаций. Юрий Буртин и его единомышленники даже не придают серьёзного значения ни «идейным различиям» (по большей части – лексическим) этих партий правящей «элиты», ни их шоу-драчкам – в парламенте ли, на телевизионных ли тусовках. Ибо все они – не более, чем фракции единой Партии – Партии правящего сословия. А реальным противовесом этой Партии может быть только то, что Ю.Буртин называет «Партией народа», «Партией гражданского общества», «Партией низовой демократии». Особенно резко, особенно рельефна эта социально-политическая прописана в не вошедших в данный сборник статьях: Ю.Буртин, Г.Водолазов. «Новый строй. Монолог в форме диалога» («Известия» от 1.06.1994, «Независимая газета» от 2.06.1994), а также: «Какой общественный строй сегодня в России?» (А.Мигранян и И.Клямкин против Ю.Буртина и Г.Водолазова) – в кн.: Г.Водолазов. «Дано иное. От номенклатурного социализма к номенклатурной демократии», М., 1996.

Все эти предварительные тезисы – дабы не быть простым провозглашением – требуют несколько более подробных пояснений и комментариев.

Итак...

Что делать?

Когда ставится такой вопрос, это означает, что дела в стране обстоят крайне плохо, и, стало быть, надо – и немедленно – что-то «делать».

Люди, спешащие пролезть, кто – в «историю», кто – в парламент, кто – на хлебные места в исполнительные органы власти, кто – в

советники этих и других органов, а кто – просто в комфортную, во всех отношениях, среду политтусовщиков, не слезящих с телевизионных экранов – эти люди легко отвечают на все вопросы. Что делать? Да, это же проще грибов! И – сыплются рекомендации, рождающиеся из политтусовочных разговоров, сдабриваемых коньячком, байками, сплетнями – из истории и сегодняшних дней.

Юрий Буртин к постановке этого вопроса, к попыткам ответа на него шел всю жизнь, настойчиво, продвигаясь с той скоростью, с какой позволяли ему сопротивление исторического и теоретического материала и обстоятельства, отнюдь не благоприятствовавшие свободному теоретическому поиску. Юрий Буртин – и публицист, пишущий «на злобу дня», и одновременно – склонный к фундаментальным теоретическим построениям исследователь. Это позволяло ему, человеку без ученых степеней и званий, в своём творчестве органично и на самом высоком уровне профессионализма сочетать «злобу дня» с теоретическим фундаментализмом. Он умел ставить проблемы сегодняшних дней в широкий контекст российской, да и мировой истории.

Посему весьма комичны поползновения иных титулованных специалистов, особенно из тех, кто помоложе, смотреть на творчество Буртина свысока, небрежно-покровительственно: да, человек он, конечно, хороший, честный, и пером владеет вполне прилично, но теории его... - так, плод любительской, дилетантской мысли; потому и не стоит к ним уж так всерьёз относиться... Так когда-то общепризнанные поэты относились к «поэзии» Высоцкого; сейчас им, кажется, стыдно за это...

И вот такой работой, в максимальной степени сочетающей в себе политическую зобу дня и фундаментальные теоретические построения, является последняя статья Ю.Буртина (по объёму – брошюра) «Другой социализм» (альманах «Красные холмы», М. 1999). Здесь – итог размышлений писаний всей его жизни. И потому мы имеем все основания назвать её «Завещанием Юрия Буртина».

Итак, почему же всё-таки надо в нынешних обстоятельствах не просто «жить», а что-то «делать»? Потому, отвечает Ю.Буртин, что

эти «обстоятельства», сформированные годами горбачевской перестройки и ельцинских реформ, непригодны для нормальной жизни большинства россиян. И в чём же, по мнению Буртина, состоят главные дефекты нынешней социальной конструкции, требующие её коренного преобразования? Что же такое смастерили горбачевская и ельцинская команды?

Горбачев: партия номенклатуры. Симпотизанты деятельности главного «перестройщика» с недоумением вопрошают: чем это так не понравился Буртину Михаил Сергеевич. Ведь, оба они – оттуда, из шестидесятых, и значит – «шестидесятники». Им бы – рука об руку... Может, гадают, дело тут в обиде, личной? Ну, не позвали вот Буртина в ближайшее окружение Михаила Сергеевича...

А что тут гадать-то? Буртин сам всё разъяснил – с присущей ему ясностью, прямоотой и определенностью. Причём – ещё в 1989-91 годы, когда «лидера перестройки» многие демократические пастыри носили на руках, когда он был ещё генсеком и обладал властью, какой, по его же признанию, не обладал ни один диктатор в мировой истории. Вот оно, это «разъяснение» Юрия Буртина: «Когда поляризация общественных сил (к 1988-89 гг) стала формировать то, что я бы назвал, с одной стороны, «партией народа», а с другой – «партией номенклатуры», генеральный секретарь ЦК КПСС предпочел то, что ему было роднее и ближе, - номенклатуру и выгодный ей «аппаратный» вариант «перестройки»... Начав критикой Сталина и Брежнева, Горбачев кончил восстановлением – на уровне Центра – командной системы сталинско-брежневского толка, которая ведь тоже была не чем иным, как диктатурой партийной олигархии... Какой бесславный итог!».

Ну, и какая же тут может быть у Буртина «обида» на его не востребованность горбачевской командой? Напротив, я даже думаю, что он сам, несмотря на всю свою «шестидесятническую святость», крепко «обидел» бы того доброго человека, который вдруг предложил бы ему войти в эту самую «команду» – ту самую, что, например, под свист и улюлюканье черносотенных депутатов и по дирижерской палочке «перестроечного вождя», гнала с

парламентской трибуны и вообще – с общественной арены обожаемого Буртиным Андрея Дмитриевича Сахарова.

Ельцин: «чужая власть». Разумеется, Буртин всем сердцем и всей душой был с защитниками Белого дома в августе 91-го, с теми, кто несколько дней и ночей, безоружными, стояли у нелепых, легко сметаемых баррикад, и кто своим героическим стоянием, своей непоколебимой решимостью – умереть, но не стать на колени перед ГКЧП – похоронил прежний режим, и кто, к великому сожалению Буртина, ушёл в никуда, предоставив «августовским победителям» мастерить новую политическую систему.

Ельцинский режим недолго оставался загадкой для Ю.Буртина. Уже в марте 92 (!) года диагноз – с буртинской беспощадностью – был поставлен: «Чужая власть!». И по адресу своих прежних друзей-товарищей из «Демократической России» (тех, кто после «августа» вольготно обустроился во властных креслах) он прошёлся соответствующим образом (беря, как это для него характерно, часть общей вины и ответственности на себя). Он назвал знаменитое народное переименование «демократов» в «дерьмократы» «справедливым возмездием» – «за то, что, за очень редкими исключениями, все мы действительно оказались никудышными демократами. Едва получив возможность восстановить честь русской интеллигенции, мы очень скоро, за какие-то три-четыре года, снова её потеряли... Мы оказались падки на успех, на свет телевизионных юпитеров... Только и слышно было о наших «прорабах» перестройки: «он сейчас в Англии», «она завтра прилетает из Швеции», на следующей неделе они все уезжают в Барселону»... В Барселону ездили много чаще, чем в Тулу и Кострому... Незаметно возникал стиль жизни, недоступный большинству, и тем самым реальное отдаление от этого большинства. А затем к вкусу популярности для многих «новых людей» добавились вкус власти, маленькие удовольствия, доставляемые высоким общественным положением, могучее действие удостоверения с почтенным титулом, украшающим фамилию, личный кабинет в Белом доме, исполнительность помощников и секретарш... И не с суда над другими надо начинать

сегодняшний анализ, а с суда над собой. С личного примера бескорыстия, самоограничения, «нестяжательства», - было в русской церковной истории такое течение, вот его бы традицию нам возродить, хотя на то период, пока так бедствует большинство народа! С категорического отказа от привилегий и тайн, от недомолвок и полуправды. Только такое и идет в зачет, всё иное пустяки, слова, слова, слова». Естественно, в «ДемРоссии» Буртина больше не видели. И снова: никто его оттуда не выталкивал, не «оттирал», он сам от них «оттёрся». И никакой «роли» среди них играть не собирался. Он начал активно «играть» не «среди них», а против них. Он был с «нестяжателями» против «стяжателей». Напомню – с самого начала 92 года!

Ну, а теперь о фундаментальном пороке, свойственном обеим этим – и горбачевской, и ельцинской – социальным системам. Здесь Юрий Григорьевич формулирует одно из своих удивительных теоретических положений. Он отказывается присоединиться к широко распространенной точке зрения, согласно которой Россия совершает переход от одной социально-политической системы («социализма») к другой («капитализму»). Он доказывает, что никакой смены *социально-политических систем* не происходит, а идет изменение лишь *форм* одного и того же социального феномена, а именно – господства правящего слоя («бюрократии», «нового политического класса», или что для России наиболее точно – «номенклатуры»). Сталинизм, брежневщина, режим Горбачева, политсистема Ельцина – это перелицовка одного и того же. А «одно и то же» – это, по Буртину, «безраздельная монополия на власть и собственность» правящего сословия. Это и есть главная Беда России, это и есть главная причина всех её тупиков.

Поэтому *общим* ответом на вопрос «Что делать?» будет следующий: *сменить номенклатурную форму организации общества – народной (то есть подлинно демократической).*

Понятно, это – самая общая форма ответа. И Буртин, естественно, на ней не останавливается.

Открыв общность указанных выше режимов, выявив их единую сущность, Ю.Буртин, отнюдь, не считал что *формы*, которые принимает эта сущность в различные эпохи, не имеют большого значения при решении вопроса «Что делать?». Он отдавал себе ясный отчет, что различие форм проявления этой сущности обуславливает и различие способов, методов социального противоборства и требует, стало быть, уточнения и конкретизации искомого ответа. Поэтому так внимательно изучает он особенности *форм* господства номенклатуры в каждую эпоху и причины смены этих форм.

Сталинско-брежневская система – базируется на «общественной» собственности, что дает основание причислять её к социалистическому типу социума. Но реально собственностью этой владеют, распоряжаются, присваивая основную часть доходов с неё, не граждане (как то мыслилось при «нормальном», «марксовом» социализме), а – бюрократия, номенклатура. Бюрократия распоряжается собственностью как её *коллективный* владелец. Поэтому, если это и «социализм», то – особого типа – «номенклатурный социализм» (то есть это «социалистический тип отношений» – только внутри номенклатурного сословия, это – способ организации и деятельности только господствующего класса; общество же в целом, как небо от земли, далеко от социализма, и представляет собой классово-антагонистическое общество, причём – нового, отличного от капитализма, типа).

Что касается горбачёвско-ельцинской системы, то она не вырвала собственность из рук бюрократии, чтобы передать её народу (как то обещали архитекторы перестройки и реформ). Она лишь перелицевала *форму* номенклатурного владения. Она позволила *членам правящего класса* перейти от коллективных (корпоративно-бюрократических) форм владения собственностью к индивидуальным, частным. В этом и была суть всех процессов «денационализации», «разгосударствления», различных приватизационно-ваучерных кампаний. Раньше, в эпоху «реального (т.е. – номенклатурного) социализма, все привилегия, все блага, все дивиденды от бюрократического владения

собственностью были, так сказать, «привязаны» к государственно-партийному креслу, и чиновник получал их *только тогда*, когда он это кресло занимал, и в объёме – какое место занимало его кресло в общероссийской иерархии кресел. Состояние, надо сказать, не слишком стабильное: у тебя *лично* ничего нет, всё – у «кресла». Теряешь кресло – теряешь всё! Вот потому-то и стали возникать в чиновничьих головах идеи – что не худо было бы «отвязать» все эти блага от государственно-партийного кресла («да здравствует разгосударствление!») и «привязать» их *лично* к госчиновникам и к тем теневикам из центральных, областных и районных партхозактивов, которые вокруг этих «кресел» крутились, создавая уже в те времена некую «теневую рыночную экономику» («да здравствует приватизация, ваучеры и аукционы!»). И в результате всех этих «перестроек», этих «смелых и великих реформ» появилась не просто обычная, нормальная «частная собственность», а частная собственность особого типа – номенклатурная. И двинулась эта собственность на «рынок», формируя тоже очень специфический – номенклатурный – рынок. Рынок, основным участником которого стал не свободный массовый производитель, а - коррумпированный чиновник, и тесно связанный с криминалитетом олигарх.

Из этих *экономических* посылок концепции Буртина логически следуют и фиксируемые им *политические* особенности современного режима. Номенклатурный рынок порождает различие интересов орудующих на рынке корпораций, групп, кланов, криминальных структур. Для защиты своих интересов эти группы стали создавать политические организации – «политические партии». И снова – не «нормальные» политические партии, долженствующие выражать интересы различных слоёв и групп *всего* общества, а – особого типа партии – «номенклатурные», то есть организации, выражающие интересы различных фракций *лишь* господствующего сословия. Номенклатурный рынок в экономике дополняется таким образом системой номенклатурного правления в политике – номенклатурная многопартийность, номенклатурный плюрализм,

номенклатурная гласность, номенклатурная свобода слова. То есть свобода слова, гласность, многопартийность, всё то, что составляет содержание демократии – только и исключительно для номенклатуры.

Всё это и образовало ту специфическую социально-политическую систему, которую Буртин и его единомышленники наименовали «номенклатурным капитализмом», или «номенклатурной демократией» (две формулы, выражающие одну и ту же суть).

После сказанного, думаю, понятно, почему не продуктивно ограничиться общим призывом к смене «номенклатурной» системы «народной», «демократической». Речь всегда должна идти о замене не номенклатурной системы *вообще*, а о номенклатурной системе *определённого типа*. Сегодня – номенклатурного капитализма, во времена, подобные горбачевским, - номенклатурного социализма.

А раз так, то следует дать более конкретные характеристики и систем, долженствующих приходить на смену.

Что – вместо «номенклатурного капитализма»? Капитализм не-номенклатурный? Обычный, нормальный капитализм – как он описан экономистами-классиками – Локком, Смитом, Марксом, Мизесом...? А что может быть предложено вместо «номенклатурного социализма»? Социализм, как таковой, «нормальный», «классический», по Марксу и Энгельсу?

Может показаться, что, по логике концепции Буртина, ответ должен быть именно такой. Но – нет! Тут есть одна тонкость, связанная, впрочем, с самой сутью проблемы. Дело в том, что согласно Ю.Буртину, нет «капитализма вообще» (как и - «социализма вообще»), а есть две принципиально различных разновидности капитализма (как и социализма). И вот для того, чтобы выяснить, каково социально-политическое содержание этих разновидностей, для того, чтобы понять какая система и какой должна приходить на смену, чтобы в максимальной степени способствовать общественному прогрессу и интересам большинства граждан, - и тем самым более конкретно ответить на

вышеупомянутый вопрос «Что делать?», понадобилась ещё одна, может быть самая главная для концепции Буртина, новация.

Конвергентная теория Ю.Буртина. Сам Юрий Григорьевич, добросовестнейший и щепетильнейший, отдавал тут пальму теоретического первенства Андрею Дмитриевичу Сахарову. Об этом свидетельствовал и подзаголовок его программной (к сожалению, не вошедшей в данный сборник) статьи «Россия и конвергенция» - «Идеи Сахарова вчера, сегодня, завтра». Не смею оспаривать эту точку зрения Юрия Григорьевича, но не могу не сказать, что у Андрея Дмитриевича то были всё же лишь некие наброски, соображения, фрагменты. Содержательные, глубокие, важные. Но стройной, целостной, основательно разработанной, связывающей историю и современность, *концепцией* они стали только под пером Ю.Буртина.

Именно Ю.Буртину принадлежит *социально-философская* идея разделения эпох мировой истории на «доконвергентную» и «конвергентную», *им* разработана *социально-политическая концепция* различения обществ «конвергентного» и «доконвергентного» типа, *им* введены в научный оборот *политологические* и *социально-политические* категории «доконвергентного» и «конвергентного» капитализма (соответственного – «доконвергентного» и «конвергентного» социализма), *он* дал оригинальную трактовку идеи их (капитализма и социализма) исторического движения навстречу друг другу, их сближения и сопряжения, и в перспективе – формирование нового общественного строя (что-то вроде «капитализма-социализма», или что то же самое – «социализма-капитализма»).

Все эти теоретические наработки и обусловили конкретность и глубокую содержательность ответа Ю.Буртина на вопрос «Что делать?». Вот как он шел к этой, всё большей, конкретности.

Номенклатурный капитализм, согласно Буртину, это один из вариантов «доконвергентного капитализма» (т.е. «обнаженно классового общества, с резким разделением на богатых и бедных, с жестокой эксплуатацией меньшинством населения его огромного большинства, с полярной противоположностью «верхов» и

«низов», их взаимной подозрительностью и злобой» – в общем капитализм, каким он был на ранних стадиях своего развития, например, в эпоху первоначального накопления, или в эпоху, описанную в «Капитале» Маркса). Он пришел на смену доконвергентному (же) социализму – тому «реальному социализму», который имел мало общего с социалистическим идеалом, начертанным основоположниками марксизма: «В самом деле, - пишет Буртин, - провозгласили диктатуру пролетариата – получили диктатуру партаппарата. Поставили целью бесклассовое общество – оно обернулось безраздельным господством «нового класса», партийно-советско-ведомственной номенклатуры. Национализировали всё и вся, заменили частную собственность «общенародной» она быстро стала фактическим достоянием той же номенклатуры, правда, коллективным и анонимным. Объявили о прекращении эксплуатации человека человеком – и создали режим, при котором колхозник мог завидовать своему крепостному предку, потому что нёс тяготы барщины (на колхозном поле) и оброка (со своего приусадебного участка) одновременно, труд же рядовых рабочих и служащих оплачивался в несколько раз ниже реальной стоимости их рабочей силы. В противовес капиталистической анархии производства строили высокорациональное плановое хозяйство – получили экономику всеобщей бесхозяйственности, чудовищно перекошенную, безумно расточительную и неэффективную». И к середине 80-х, что совершенно естественно, «реальный (доконвергентный) социализм» оказался в историческом тупике, из которого формой прогрессивного выхода мог быть только переход к конвергентному обществу. Не столь даже важно – социалистического или капиталистического типа, ибо конвергентный капитализм и конвергентный социализм не антиподы, а родственные системы, ибо в них - в тех или иных пропорциях - сочетаются капиталистические и социалистические черты и ценности, что и составляет определяющую черту конвергентности. Правда, для России того времени, отмечает Ю.Буртин, больше подходил вариант конвергентного *социализма* – к этому толкали традиции общественного сознания той эпохи, бывшие в массе своей

социалистическими. Но вместо этой прогрессивной возможности осуществилась другая: страна перешла ... даже не к конвергентному капитализму, а к капитализму *доконвергентному*. То есть она не сделала шаг вперед, а, по выражению Буртина, просто «перевернулась на другой бок», оставшись на том же самом тупиковом и бесперспективном месте.

Но не утопия ли это конвергентное общество?

Ни в малейшей степени! Целый ряд западных стран демонстрирует такую возможность. Да, и в российской истории, в традициях российской социально-политической мысли подобный вариант развития, как подробнейшим образом выяснил Ю.Буртин, в той или другой степени предусматривался. И в первую очередь, как это ни покажется ошеломляюще-странным для идеологов всех фракций современной политической «элиты» (от Зюганова до Немцова с Явлинским), такой вариант развития страны был разработан... **Лениным**.

Нет нужды пересказывать этот феноменальный по глубине и тонкости буртинский анализ знаменитого поворота Ленина (в начале 20-х годов) от традиционных версий социализма (по терминологии Буртина – «доконвергентного») к принципиально новым («конвергентным»). Всё это вы сами прочтаете в статье «Другой социализм». Замечу только: надо было обладать не только исключительным даром теоретического и политического ясновидения, но и поистине Буртинской доблестью, чтобы – безупречному и неоспоримому для всех демократу – пойти против течения и столь высочайшим образом оценить теоретические искания вождя Октября.

Я предсказываю, господа-товарищи: в историю образ Ленина войдёт не в красно-коричневой оправе сталинского «Краткого курса» и не фотографией, заплеванной нашими доморощенными либералами. В историю Ленин войдёт портретом, написанном кистью Юрия Буртина, портретом со сложной игрой теней и света. Войдёт политическим мыслителем и практиком, одна часть идей которого (при определенных исторических условиях) будет подхвачена и в упрощённом до предела виде реализована в

чудовищной практике сталинизма. Другая же часть идей (причем, что очень важно отметить, - идей, венчающих ленинскую деятельность и составляющих, по сути, его Завещание потомкам) – будет теорией решительной и беспощадной борьбы с теорией и практикой «доконвергентного социализма», будет историческим приговором всем Сталиным всех времен и народов. Не случайно с особой злобой, с особой жестокостью расправился Сталин с теми, кто попытался поднять и понести дальше знамя новой теории, слишком рано выпавшее из рук творца «нэповского социализма» - с Рыковым, Томским, Рютиным, Бухариным, Красиным...

Ленинская концепция «другого социализма» должна (наряду с неолиберальными идеями «другого либерализма» и основанной на них практикой ряда стран Запада) должна, по твёрдому убеждению Ю.Буртина, стать сегодня одним из важных теоретических истоков при ответе на вопрос «Что делать?».

А теперь – кому делать?

Кому делать?

Новация – уже в самой постановке вопроса. «У нашей общественной мысли, - пишет Ю.Буртин, - есть один давний грех. Она чрезмерно любит вопрос «что делать?». Любит составлять всякого рода программы действий, но при этом слишком редко задается сопутствующим, не менее важным вопросом «кому делать?». Кому эти программы адресованы? Кто всерьёз, то есть исходя из собственных жизненных интересов, захочет, а захотев, сможет их исполнить?»

Тут вот, ведь, какая штука. Вопросы «Кому делать?», в качестве серьёзной проблемы, не существовало для «нашей общественной мысли» потому, что ответ казался совершенно очевидным. Как это – «кому»? Государству, обществу, нам всем. «Общественная мысль» всерьёз принимала басню о том, что наше общество – однородное, что у нас нет принципиально разнящихся слоев и классов, и потому *все* живут одной мыслью – как сделать жизнь *всех* лучше и краше. Просто некоторые руководители не знают, что нам всем для этого делать. И вот для них-то обществовед и

поясняет: а делать надо нам всем, в том числе и вам, госчиновники, вот что. В общем, все мы – одна семья.

Но реальное общества (и во времена «реального социализма», и нынешнего «реального капитализма») – это никакое не «однородное» общества, это никакая не «одна семья». Это общество, разделенное на группы, слои и классы с разными (а то и противоположными) интересами. И потому интерес одних (подобных, скажем, руководству РАО ЕЭС или членам других олигархических структур) призывает «делать» одно, а интерес других (скажем, врачей, учителей, рабочих, инженеров) – другое, во многом – прямо противоположное.

Поэтому сегодня и необходимо вопрос «Что делать» обязательно дополнять вопросами: кто заинтересован в том, чтобы это делать («кому делать?») и – как именно это делать («как делать?»).

Итак – кому и как?

И снова при ответе на эти вопросы – очередная теоретическая новация. И рождается она, что характерно для мышления Буртина, не на основе игры политологическими дефинициями или премудрой кабинетной фантазии. А на основе анализа исторического *опыта*.

Во-первых, - опыта ряда ведущих стран Запада – либерального реформаторства конца XIX-начала XX вв, кейнсианской революции, и рузвельтовского нелиберального «нового курса», «революции управляющих» 30-50-х годов и т.д., и т.д. В результате чего «классический» капитализм обретал черты какого-то нового строя: снижался уровень противостояния внутренних социальных сил и расширялось пространство социального *равенства*. Тем самым – хотя и в своеобразной форме – реализовывалась одна из центральных идей социалистических предсказаний и требований. Биполярная классово-политическая система западного капитализма XIX столетия всё явственнее перерастала в многополярный социально-политический мир, основные субъекты которого вступают в ситуацию примерного социального равенства. Эти основные субъекты: *традиционный собственник средств*

производства материальных благ, *менеджер* - собственник «средств управления» (идея Лена Карпинского, высоко оцененная и принятая Ю.Буртиным), *ученый* – собственник научного знания, главной производительной силы современности, *государственный служащий* – собственник «средств контроля и содействия» социальным процессам, наконец, *современный работник* - весьма образованный, культурный человек, обладающий возможностью защитить свои права и интересы с помощью созданных им профсоюзов и политических партий.

Во-вторых, - это весьма поучительный для нас послевоенный опыт перехода ряда тоталитарных режимов (в Германии и Италии, в первую очередь) к демократии, к экономическим неолиберальным реформам и «социальному государству». Фиксируя ценные и поучительные стороны *этого* опыта, Ю.Буртин отмечает одну их особенность, которая, к сожалению, не позволяет надеяться на возможность его полновесного использования в наших российских условиях. Дело в том, что тоталитаризм, господство государственной бюрократии указанных режимов преодолевались **сверху**. «Ждать чего-либо подобного от российских властей,- не колеблясь, утверждает Ю.Буртин,- было бы крайней наивностью». Поэтому, по его убеждению, наиболее ценен для нас другой опыт – «опыт размывания и преобразования» тоталитаризма, административно-командных структур **снизу** – опыт «Пражской весны» (60-х годов) и доперестроечной польской «Солидарности». Анализируя *этот* опыт, Ю.Буртин особое внимание уделяет открытому народами этих стран новому типу «партии», вообще – иному, чем прежде, пониманию партии. Речь идёт о партии не-классовой и даже, что особенно важно, – не-политической. А скорее –социальной. О своеобразной **социальной** организации, представляющей интересы «всего народа».

Но и этот, наиболее ценный для России, опыт должен быть преломлен через её специфику. Ибо «в нынешней России ничто – ни в политической системе, ни в морально-психологическом состоянии общества – ничто не способствует появлению на свет» такой оригинальной «партии», такой социальной организации.

Нам надо начать, пишет Буртин на последней странице своей статьи-завещания с «активизации всевозможных, по большей части не политических, форм низовой общественной организации и инициативы». «О чём идет речь?» – ставит вопрос Ю.Буртин. И отвечает: «Да о разного рода ячейках неформально связи между людьми, их взаимопомощи, делании чего-то сообща на производственной, профессиональной, потребительской, культурной, правозащитной, соседской, коммунально-бытовой и т.п. почве – совсем мелких, как домовый комитет, и более крупных, как совет трудового коллектива большого завода, совсем новых доселе неизвестных, как общество обманутых вкладчиков, и давно существующих, но до поры бездействовавших, как бы дремавших». И ещё, и ещё... Юрий Григорьевич не отказывает себе в удовольствии перечислить все те новые формы самодеятельных организаций и объединений, которые создают в самом «низу» российские граждане и которые свидетельствуют о громадном историческом потенциале этих «низов»: «Добровольно складывающиеся кооперативы и товарищества всех форм и назначений. Стачкомы. Комитеты общественного контроля. Кассы взаимопомощи. Общества взаимного кредита. Внутризаводские, действительно независимы профсоюзы. Комитеты защиты прав потребителей. Общественные антимонопольные комитеты производителей и покупателей сельхозпродуктов. Сельские сходы. Организации пенсионеров, инвалидов, ветеранов, бывших заключенных» и т.д., и т.д...

Характерно, что, как и всегда, Ю.Буртин не придумывает «новых форм», он всматривается в жизнь. Она рождает эти формы. Он только фиксирует их, он призывает инвентаризировать их, описать и обобщить их опыт, протянуть ниточки связей, способных соединить их в некую целостность. «Ибо в масштабе большой страны каждая из таких ячеек в отдельности не значит почти ничего, но в своей бесчисленной множественности они могут составить то...»

Внимание! Мы цитируем последние абзацы последней статьи Юрия Буртина. Внимание! Сейчас он скажет, может быть, самое

важное и самое главное – то, что способно дать могучие победы в будущее.

«...они могут составить то, что называется **гражданским обществом**».

Юрий Григорьевич практически не оперировал этим понятием. Ему, в общем-то, достаточно было такой категории, как «народ». И всё же здесь, в самом конце своей последней статьи он успел прикоснуться к этому становящемуся важнейшим понятию современной политической науки, успел ввести его в систему категорий своей теории. Успел зафиксировать его основополагающее значение для демократических программ и демократических движений будущего. «Нам нужно перестать следить за движением светил на государственно-политическом небосклоне – они того ни в малейшей степени не заслуживают. Жизнь – внизу, все залогов спасения России – там и только там. Пора переключить общественное внимание. Ни наши вершущие профсоюзы, ни насквозь коррумпированная государственная власть, ни в той же мере криминализованный околосударственный крупный капитал не стоят и тысячной доли того интереса, какого заслуживают мельчайшие поры, через которые, бог даст, пробьются ростки **гражданского общества**». На этой ноте и заканчивается последняя статья Юрия Буртина.

...Передо мной сборник докладов «Политический плюрализм в современной России». Сборник, вышедшей в 2001 году, то есть уже *после* смерти Юрия Григорьевича. Передо мной текст одного из докладов (признаюсь: *моего* доклада). Вчитайтесь, вслушайтесь – не продолжение ли это того, о чем писал Юрий Буртин?

«Мне и моим единомышленникам со всех сторон, из недр разных политологических фондов (тех, что прямо или косвенно подкармливаются государственной бюрократией или олигархической братвой) несутся возражения: нет-де у нас никакого гражданского общества, вообще «граждан» нет, а есть (с претензией на остроумие и глубокомыслие!) лишь «население», то есть неорганизованная, непросвещенная и потому бессильная «масса». И вы-де, «новые народники», вы, неисправимые

утописты-фантазёры, предлагающие вместо реальных, выполнимых программ прекраснодушные, но бессильные утопии, только запутывают общественное сознание. Сегодня-де реальным субъектом общественных преобразований может быть только «политическая элита», и потому надо озаботиться лишь тем, чтобы более эффективно организовать её. Дать ей научно выверенные рекомендации по реформированию общества. При этом наши оппоненты любят не без претензии на тонкую иронию добавить, слегка перефразировав известный сталинский афоризм: другого гражданского общества у нас для вас нет. Помните у Сталина: «других писателей у меня для вас нет»? А, между прочим, можно было бы сказать в ответ товарищу Сталину: «У вас других писателей нет, потому что всех «других» вы перебили». И гражданского общества, отвечу я моим оппонентам, у вас для «нас» не будет, если вы будете продолжать всё делать для его удушения.

Я же думаю, что несмотря ни на что, основа гражданского общества в России, и достаточно широкая и крепкая, существует. И никакое это не «население», будто бы разрозненное и безгласное, а высокоразвитый (интеллектуально и морально) **народ**, стремящийся к организации и исторической самодеятельности».

Приведя в доказательство этого многочисленные цифры и факты, данные весьма представительных опросов, я говорю в заключение:

«Я бы обратил внимание не только на тип и уровень (высокий) политического сознания гражданского общества, но и на тот вдохновляющий всякого действительного демократа факт, что гражданское общество, брошенное на произвол судьбы, презрительно третируемое интеллектуальной «элитой», зомбируемое «элитой» политической, эксплуатируемое «элитой» финансово-олигархической, тем не менее с энтузиазмом ведет процесс своего структурирования и самоорганизации. То там, то здесь, по городам и весям России возникают всевозможные объединения, союзы, комитеты, движения, самоуправленческие структуры. Иные, не выдержав трудностей условий существования, распадаются, но через некоторое время на их месте появляются новые.

Над нами посмеиваются, называя «новыми народниками». Пусть так. Но мне думается, «новые народники» – это лучше, чем «новые русские» и обслуживающая их «элитная» тусовка.

Мы обязательно проведём инвентаризацию всех инициатив гражданского общества, мы составим и представим на всеобщее обозрение карту подобных инициатив по всем регионам России, и вы увидите: не спит и не бездействует гражданское общество. Собрать крупицы этого опыта самоорганизации и самоуправления, извлечь из него уроки, дать его анализ и на его основе выдвинуть развернутую стратегию развития гражданского общества, «стратегию горизонтали» – это и есть одна из важнейших задач современной российской научной интеллигенции.

Союз гражданского общества, науки, народных, демократических организаций и всерьёз пекущихся о народном благе политических партий и деятелей – только это даст России шанс на преодоление её бед». (Политический плюрализм в современной России. Материалы сессии Академии политической науки. М., 2001).

Ну, вот. А нам говорят: время Буртина ушло, время Буртина кончилось.

Нет, господа!

Время Буртина, время действенного, демократическо-социалистического шестидесятничества только начинается!